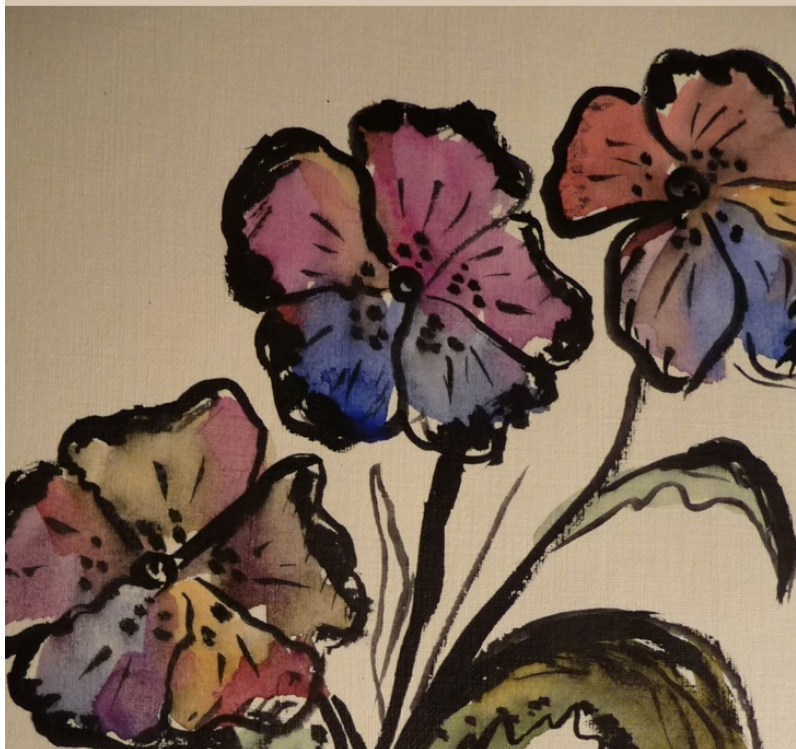

Ольга Покровская
Лилловые цветы

Повесть

Ольга Владимировна Покровская

Лиловые цветы. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27056661

ISBN 9785448588051

Аннотация

Что делать, если любовь преступна и, с точки зрения общественных установок, противоестественна? Главной героине придется решить, поддаться ли чувству или справиться с любовным наваждением.

Лиловые цветы

Повесть

**Ольга Владимировна
Покровская**

© Ольга Владимировна Покровская, 2017

ISBN 978-5-4485-8805-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вита поняла, что любит своего отчима, Павла Сергеевича, дома, в среду, за чаем. Она подносила ко рту кружку, запивая кекс с изюмом, когда ее осенило, что человек, притулившийся к столу и мирно читающий бумаги, – ее жизнь, ее воздух, и она не может без него существовать. Вита глотнула и поставила кружку. Ничего не изменилось в их уютной маленькой квартире на Пресне – стена кухни, холодильник, сахарница с серебряной ложечкой, абажур, вечерние тени на мебели и стенах. Ошеломленная Вита несколько минут сидела, свыкаясь с открытием и недоумевая, отчего произошла перемена. Тем временем Павел Сергеевич задумчиво грыз шариковую ручку, подчеркивал в тексте, по преподавательской привычке, неудобоваримые слова и говорил Наталье Бори-

совне, Витиной маме:

– Нет, все-таки галстук у этого адвоката... экзотический. Человек с таким галстуком как-то, право слово, сомнителен.

– Может, у них принято, – вздохнув, пожала плечами Наталья Борисовна и еще мокрой от мытья посуды рукой – так, что блик от лампы подсветил костяшки пальцев – придвинула медовую вазочку.

– Не знаю. – Ореховые глаза отчима засмеялись. – Ни судья, ни прокурор шутовские колпаки не носят. Зачем же адвокату галстук с попугаями? Представляешь, я в институт приду? Студенты яйцами закидают... а он с милицейскими разговаривает. Какое к нему отношение у офицеров внутренних дел? Должен быть всем своим в доску...

Над семьей тяготел старинный процесс о захвате родственниками комнаты Павла Сергеевича.

Наталья Борисовна, не любившая судебской тематики, покачала головой, и уголки ее бесцветных губ уныло дрогнули вниз, как весовые стрелки.

– У них столько специфических тонкостей... это как люди с другой планеты.

Павел Сергеевич, полыхнув бумажным гляncем, перевернул лист.

– К сожалению, с нашей.

– Пятно посадишь, – предостерегла Наталья Борисовна. – Убери.

Павел Сергеевич негромко рассмеялся, и Вита, очнув-

шись, обнаружила, что его приятный смех электрическими разрядами пробежал по позвоночнику и что ей хочется нежиться в его смехе и щуриться от удовольствия.

– Да уж... мне тут работу сдали. Каких только нет на ней отпечатков! Стаканы, рюмки, кастрюли... энциклопедия посуды отметилась.

– Значит, занимались всерьез, – усмехнулась Наталья Борисовна. – Долго и вдумчиво.

– Если только...

Вита допила чай, звякнула чашкой и встала. Надо было спрятаться, переварить открытие в одиночестве, понять, что происходит и что делать.

– Уже? – встрепелась Наталья Борисовна. – Возьми печенье...

Наталья Борисовна была заботлива с дочерью, и Вита благодарно принимала заботу, но сейчас ее кольнуло угрызение совести: она совершила вероломство; захватившее ее наваждение сильно, необратимо и принесет маме боль... и еще, мама сегодня некрасива. Мысли были так необычны, что Вита испугалась.

– Расскажи, что на объекте, – настаивала Наталья Борисовна. – Интересно.

Вита, будущий дизайнер, подрабатывала с приятелями проектами квартир. На «объекте» в Марьиной Роще они воплощали свои идеи – с помощью бригады ремонтников.

Павел Сергеевич – в знак согласия, что ему интересно, –

поднял на Виту глаза, в которых заискрился золотистый свет абажура. Вита утонула в их глубине, судорожно вынырнула и отвернулась.

– Гостиная подготовлена под отделку, – стала рассказывать она. – Бетонная коробка отшлифованная. Оказалось, красиво! Пористый бетон... лаконичный... серый... брутальный. Даже просится так оставить.

– Боюсь, клиенту вашему не понравится, – возразила Наталья Борисовна недоверчиво. – Он же из этих... из крутых? – В ее голосе прозвучала брезгливость, и Вите пришло в голову, что мама несовременна. Она сама не жаловала крутых, а от безумного клиента они успели изрядно натерпеться, но мамин тон грешил ребяческой наивностью.

– Идея появилась, – продолжала Вита. – Я на подоконник поставила стеклянную вазу. Прозрачное синее стекло, толстое. За окном фонарь, и в вазе свет преломляется, как входись – бросается в глаза, здорово. Бетонная пустота, и синее стекло горит. А теперь думаю по стенам пустить лиловый и зеленый... цветами какими-нибудь.

– Ох, намудрите вы там, – насмешливо протянул Павел Сергеевич, снисходительно улыбнулся, а Вите почудилась нежность в его лице, и стало еще страшнее. – Клиент поселится и через год шизофрению получит.

– Не получит. У клиента нервы крепкие.

Она вышла и в коридоре остановилась у зеркальца с парфюмерными флаконами. Пригляделась к отражению и убе-

дилась, что все свежо, красиво, соразмерно – молодое лицо, сияющие глаза, чистая футболка, аккуратная прическа... в сравнении с мамой ее внешность несомненно выигрывала, но, отогнав предательское впечатление, Вита пыталась разглядеть печать мороза – хоть какие-то следы – и не находила ничего. Все казалось прежним: душистые пузырьки, шелкающая бамбуковая занавеска, хрустальное бра – и Вита сделала вывод, что нельзя верить глазам, потому что мир уже был другим.

На кухне продолжался разговор.

– Конечно, хорошо бы комнату отсудить, – проговорил мечтательно Павел Сергеевич. – Мы бы туда переехали, Викушу в квартире оставили...

Ему хотелось быть правильным отчимом, как положено у приличных людей, и предлагать падчерице лучшее, но Наталья Борисовна не оценила его великодушия.

– На старости лет в коммуналку, – возразила она жалобно. – Всю жизнь хотела: если доживу до старости, в своем углу. Она молодая, ей флаг в руки...

– Ладно, – сказал Павел Сергеевич, шурша документами. – Пока делим шкуру неубитого медведя.

Супруги согласно помолчали.

– Влюбилась, похоже, – проговорила Наталья Борисовна приглушенно.

– Чего-чего?

– Влюбилась, говорю, не иначе. – Вита замерла, услы-

шав мамино предположение. Отражение вздрогнуло, сморщилось и жалко поморгало мышинными глазками, а Наталья Борисовна, не видя реакции дочери, продолжала ласково: – Я, когда в молодости влюблена была, тоже, помню, лиловые цветы рисовала...

Поздним вечером, когда рассосались пробки, за Витой захал ее молодой человек – Максим, и они поехали кататься по ночной Москве. Максим вечерами трудился в автосервисе и ездил на автомобилях, которые в данный момент доводил до ума. Сегодня он оказался на очередном монстре – черном, хищном, матово-блестящем.

– У тебя нет совести, – сказала Вита, деликатно отводя дверцу и с опаской проникая на переднее сиденье. – Если остановят, ей-богу, скажу, что незнакомы. Ты левый таксист.

Она шутила, но Максимова манера обращения с чужими машинами ее беспокоила всерьез.

– Не остановят, – сообщил Максим, улыбнулся своей неуязвимости и плавно, ювелирно маневрируя в придворовом парковочном хаосе, выехал на улицу.

– Почему? – Вита устроилась удобнее, пригrelась в мягком кресле и откинулась на подлокотник, рассыпав волосы. – Всех останавливают.

Он покачал головой.

– Не всех. Я езжу идеально... подозрений не вызываю... за что меня тормозить?

Они катились по пустынной Москве, сбрасывающей осенние листья. Максим выехал на Третье транспортное, и они понеслись мимо указателей и развязок, оставляя по сторонам искрящиеся огнями чудовищные гиганты. Наблюдая свечение усталого города, Вита покорно фиксировала в себе, словно со стороны, сосуществование разнородных тенденций: тихого восторга от обретения цели и смысла – и быющего в жилке на шее ужаса от преступной порочности этой цели. Два противоположных чувства боролись глубоко, практически не отражаясь на ее внешности и поведении. Она удивлялась, что параллельно еще может разговаривать с Максимом и даже давать ему советы.

– Как ты не боишься аварии, – озабочилась она. Она считала долгом уберегать Максима от опасностей – из-за очевидной вины перед ним.

– Не боюсь, – объяснил Максим, скользнув ладонью по левой обшивке. – Я просто смотрю по сторонам, глаза же есть... Если любишь машину, не попадешь в аварию. Они понимают. – Он посмотрел в зеркало заднего вида. – Отладишь, руками переберешь... она хорошие руки чувствует.

– Мистика какая-то, – пробормотала Вита. Сегодня было слишком много странного.

– Никакой мистики. Перед тем, как за руль сесть, надо с ней поговорить... спросить ее: ты на меня не сердишься? Все в порядке? И когда трогаешься – понимаешь. Если у нее настроения нет – возвращайся на базу.

Он, отвлекаясь от дороги, повернулся к Вите и коснулся ее агатовым взглядом. Вита мысленно отстранилась, и ее кольнуло: до чего непохожи глаза близких к ней мужчин.

– А как у этого... чуда... с настроением?

– Не обижай технику, – велел Максим. – Она славная... ее сердить опасно. Один мужик у нас чинился... сядет за руль и рассказывает, как шину продаст. А машина не любит... И все из нее вынес: освежитель вынес... магнитола демонтировал... чего ж удивляться, что потом чуть не всмятку в стоящие влетел, с управлением якобы не справился. Не надо было языком молоть.

Вита подумала, что Павел Сергеевич выигрывает в сравнении с Максимом: отчим даже не умел водить – не тратил силы на бездушные железки...

– Как-то просто получается, – возразила она. – Люби себе машину, и в аварию не попадешь.

– Сложно. Это уметь надо.

– Что – уметь?

– Ну, это. Чувствовать.

Максим покосился на Виту – ей почудился намек, но она задумчиво кивнула, соглашаясь. Фраза оказалась созвучна ее настроению: надо уметь чувствовать. Вот ей бы хотелось любить, как нужно, Максима – честного, умного, деятельного, открытого... – а она, хотя нельзя категорически, любит Павла Сергеевича и ничего не может поделать.

– Еще, конечно, управление, – продолжал Максим после

паузы. – Вся лирика годится, если управлять умеешь.

Максим водил с детства, знал все тонкости, участвовал в каких-то учениях – или показательных выступлениях – по экстремальному вождению и вообще держал руку на пульсе.

– А легко пересаживаться на разные? – спросила Вита, любопытствуя. – Если я научусь водить на одной, сложно на другую переучиваться?

Ощутилась – по аналогии – невозможность перехода от человека к человеку, но Вита промолчала. Максим пожал плечами.

– Вообще-то... если ты ложкой есть научилась – что именно есть, большой роли не играет.

– Очень отличаются?

Вита сдерживалась, боясь проговориться вслух: что касается мужчин, то очень, очень...

– Бывает. Как-то лимузин пригнали. – Максим засмеялся. – Ребята ночи дождались... сели, поехали. А он специфический. Длинный, как автобус, но только гармошки у него нет. На нем лучше по прямой ездить. Короче – в поворот не вписались... хорошо еще, не снесли никого.

Вита смотрела на зеленоватое небо, на московские огни, и ей было тепло, уютно и отчего-то комфортно сознавать – а иллюминирующие уродцы подтверждали, она была уверена в их мнении, – что все-таки любить Павла Сергеевича – это прекрасно и правильно.

– Отвези меня на объект, – попросила она после того, как они долго катались по скоростным магистралям и по затененным аллеям парка около Университета и по набережной вдоль Воробьевых гор. – Люся подъехать обещала... надо посмотреть, что наши работники наворочали.

В Марьиной Роще у подъезда они долго целовались в машине – и Вита, целуясь с Максимом, испытывала не угрызения совести, а привкус странного сочетания: удовольствия от поцелуя и восторга от влюбленности. То, что слагаемые относились к разным людям, казалось несущественным. Ей нравилось, что они целуются, что пахнет сигаретами и шерстью, что машина блестит – а сердце радостно колотится, привыкая к новому чувству. Опомившись, Вита вернулась из мира иллюзий в реальность: если она уважает себя, то надо делать выбор и не пачкаться одновременной снисходительностью – а значит, с Максимом придется расстаться. Но путаница в мыслях препятствовала каким-либо внятным объяснениям. И объяснить такое... хотя бы просто произнести вслух... Вита была пока не в состоянии. Простейшим способом показалось затеять ссору, а потом обидеться. Мало ли кто и как ссорится? Иногда люди становятся заклятыми врагами из-за ерунды, не стоящей выеденного яйца... Поэтому она заявила, что сама хочет водить машину.

– Когда я поеду? – спросила она капризно.

Она знала, что для Максима это принципиальный вопрос

и что он не изменит мнения.

– Никогда, – возразил он спокойно. – Опять двадцать пять? Сказал же – получи права. Без прав на улицу не пущу. Я знаю, чем это кончается.

– Но я же аккура-а-атно... – заканючила Вита, просительным нажимом указательного пальца образуя сальные пятна на гладкой панели. – Я же спосо-обная...

– Хоть гениальная. Почему на самолет никто не рвется? А с машинами считают, само получится. Результаты вон – каждый день на дорогах видим. Не глупи, выучу на аса... только надо серьезно браться...

Наткнувшись на ожидаемое препятствие, Вита радостно кинулась в свару.

– Ты ко мне относишься как к полной дуре! Ты считаешь, что я идиотка!..

Испуганные доводы Максима игнорировались. Покричав, Вита выжала слезу и выскочила из машины, по-хамски хлопнув нежной дверью:

– Уезжай! Видеть тебя не хочу.

Как следовало ожидать, оскорбленный Максим поник, завел двигатель слегка дрожащими руками и молча уехал на ночную работу, а Вита поднялась в квартиру и открыла дверь ключом. Непроизвольно нахмурившись, вошла и защелкнула за собой замок. После ссоры у нее кошки скребли на душе. Не уходило из головы видение несчастного Максима, выражение его лица – тем более что Витины ладони

еще фантомно ощущали колющую шерсть Максимова свитера. Хотелось немедленно позвонить, с горячими извинениями за мерзкую сцену, но Вита удержалась: было чересчур стыдно. Придумалось оправдание, что Максим за рулем и звонок помешает. В квартире было темно, и Вите не хотелось зажигать света. Она разделась, прошла в бетонную гостиную и застыла на пороге, впитывая отблески фонарных лучей, преломляющихся в синей вазе на окне. От своеобразной красоты пустого помещения с грубыми стенами ей стало легче. Бетонный пол внушал иллюзию нордического холода. Самым комфортным казался деревянный подоконник, Вита села рядом с вазой, склонила голову и долго смотрела на игру света, потом за окно, где начал накрапывать дождик и зеркальные лужи покрылись мелкой рябью.

Пришла подружка Люся, принесла аромат ванильных духов, зажгла свет. Даже испугалась слегка, когда обнаружила Виту.

– Господи, ты? Медитируешь? А я подумала – что за фигура... вдруг ребята кого оставили... пьяного... мало ли.

Она вошла в бетонную комнату и поставила на пол пакет с едой. Нагнулась и миниатюрной щеточкой аккуратно почистила замшевые сапожки.

– Проверила, что сделали? Стяжку в спальне? А уровень?.. А Рафик где? Ушел?

– Наверное, – ответила Вита уныло, наблюдая за Люсиным прихорашиванием и полагая ничтожной утрированную

заботу о внешности.

– Слава богу. – Люся сняла плащ, бросила его на картонную коробку в прихожей и пожаловалась на бригадира: – Я не могу: он берет меня за руку и гладит. И в глаза заглядывает. Может, у них так принято... но неприятно, ей-богу.

Вита, почуяв во внешних проявлениях родственную душу, посочувствовала Рафику:

– Он в тебя влюблен, – подсказала она.

Люся нахмурилась.

– Нет уж, не надо.

– Кто же спросит, – сказала Вита со вздохом. – В таких делах...

– Что за тон трагический? Давай поедим лучше.

– Петю подождем?

Люся горестно покачала головой.

– У него сегодня драка по расписанию.

Люсин приятель Петя был болельщиком, и раз в неделю в назначенном месте ему вменялось в обязанность драться с болельщиками другой команды.

– Хоть бы нос залечил, – посоветовала Вита.

Люся всплеснула руками.

– Хоть связывай! Как это называется?.. Привычный вывих? перелом? Как новый препод приходит – вся группа Петьке: сделай, мол, носом. И Петька под фанфары делает мордой вбок, и нос у него ложится на щеку, а препод в обмороке. Женщины особенно в восторге бывают... у тебя Макс

нормальный, не то что...

Они отправились в кухню – где ремонтные работы близились к завершению и можно было существовать по-человечески, – развернули на барной стойке пакеты, разложили домашние пирожки с капустой, которые пекла Люсина бабушка, разлили минеральную воду с пузырьками и принялись ужинать.

– Я придумала, какие стены в ту комнату, – сказала Вита, набивая рот. – Завтра нарисую.

– Ладно, – согласилась Люся, смахнула крошки с клетчатой юбки и, приглядевшись к подруге, спросила:

– Ты чего в миноре? С Максом поругалась?

Вита ждала этого вопроса для того, чтобы услышать собственный ответ. Потому что она не знала, как сформулировать произошедшее. Она приложила руку к холодному стакану, а потом к горячей щеке и ко лбу, чтобы немного успокоиться.

– Я, кажется, влюбилась, – проговорила она виновато. – Не знаю...

Люся заморгала перламутровыми веками. Ей казалось, как разумеющееся, что подруга давно влюблена – ведь она встречается с Максимом, значит, их отношения объясняются естественно.

– В кого?

Вита замялась.

– В Павла Сергеевича.

– В кого-кого? Из института кто-нибудь?

– Нет же! В отчима... ну, мужа маминого.

Люся поставила стакан, поправила воротничок блузки, покачала головой, взглянула на Виту и спросила, чуть заикаясь от смущения:

– Он что, к тебе приставал?

Вита даже засмеялась.

– Ты что, он? Он слов-то таких не знает.

Люсино смущение усилилось, она покраснела и, чтобы скрыть это, откусила пирог и запила водой. Она явно не знала, что говорят в таких случаях.

– Кошмар... И что делать думаешь?

– Не знаю, – созналась Вита. – И так мысли скачут весь день. – Она, видя, что Люсе разговор неприятен, да и мало что недалекая подруга подскажет ценного, переменяла тему: – Я придумала, как стену...

Люся снова покачала головой и перебила.

– Покайфуешь – и забудь, как страшный сон. Это же мама... – добавила она.

– Мама... – повторила Вита машинально. Она надеялась, что Люся или поймет ее, или даст убедительный совет, но выходило по-другому.

Возникла пауза. Люся подвигала стакан по барной стойке, вытерла прилипшую краску и проговорила грустно:

– У меня знаешь как было? Бабушка раньше говорила, что мама умерла.

Вита содрогнулась.

– Зачем?

– Так. А когда я пневмонией заболела, лежала и думала: если умру, то ничего... маму увижу. Плохо было очень. Медсестры говорили: у нас эта койка смертная, на ней все... – Люся подняла кроткие глаза, и взгляд затуманили воспоминания. Эти внутренние видения были важнее Виты, Витиной влюбленности, ремонтов и квартир. Потом она вздохнула. – Умерла бы, наверное. Тетка навещала, я обмолвилась. Ее как переключило, она аж почернела: выбрось, говорит, из головы, мать твоя жива-здоровая, в Англии с мужиком... У них с бабушкой скандал был, тетка, говорят, ногами топала, кричала: уморишь, мол, девчонку по злобе своим враньем...

– И помогло?

– Наверное, помогло. Может, я от того и заболела, что хотелось к маме – подсознательно, знаешь.

Вита никогда не слыхала от Люси сокровенных признаний, но они оставили ее равнодушной: не были созвучны ее проблеме, скорее наоборот.

– Ты с ней связывалась? – спросила она для проформы.

– Адреса нету, узнавать надо. Но когда-нибудь... обязательно. Она же не старая еще и не больная. Тетка говорила – мать-то, мол, у тебя об дорогу не расшибешь, всех нас переживет...

– Н-да, – сказала Вита, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– А ты маме гадость хочешь сделать... – Люся добавила

твердо: – И не нужен тебе отчим.

– Нужен, – возразила Вита и с ужасом поняла, что говорит правду, и с ее открытия самое сложное только начинается – а все настроены против нее, и тем более неизвестно, как отнесется к ее состоянию Павел Сергеевич... и надо ли ему говорить... и как...

Прошло несколько дней – Витино настроение ухудшалось, она мрачнела с каждым днем. Радость от полноты впечатлений прошла, сгустился раздражающий туман, и стало непонятно, как быть. Павел Сергеевич ходил, улыбался, разговаривал, обедал, смакуя мамины котлеты по-киевски, спал в соседней комнате, но его присутствие уже не улаждало, вызывая лишь усиленное сердцебиение. При звуках его голоса у Виты мучительно темнело в глазах. Конечно, он ничего не замечал, и ее – до потери контроля – тянуло, соблазняло подать ему знак, хотя что делать после этого знака, она не знала. Воображала только, какой взрыв вызовет неуместное признание. Потом тягостная обстановка в квартире несколько разрядилась. Приехала в гости подруга Натальи Борисовны – Марина Львовна – и остановилась передохнуть на пути между подмосковным городком и аэропортом Шереметьево, откуда ей надлежало вылетать к командированному мужу. В аэропорт Марину Львовну должен был отвезти любовник, связь с которым тянулась так долго, что это время было соизмеримо с продолжительностью брака. Ситу-

ация за долгие годы устаканилась до абсолютной стабильности, все близкие привыкли к положению вещей, и, кажется, муж Марины Львовны мирился со своим статусом – тем более что ведущим в этом трио была сама Марина Львовна. Она вообще была женщина боевая, и в квартире закипела бурная деятельность.

– Наташка! – летело из разных уголков попеременно. – Почему на грибы не приезжали? Опята охапками собирали... все лень беспросветная! На двери пятно – дай тряпку, помою!.. Это варенье или вино открывали? Смотрю, легкомысленному образу жизни предаетесь!.. А куда я сумку задевала? Надо косметику переложить, лосьоны-кремы в мелкие пузырьки перелить... а то отберут на регистрации... Тапочки... я тапочки не взяла, как думаешь, купить, пока не поздно? По их ковролину весь мир грязными ногами шлепал, зараза бог весть какая... Ой, я пирог знаю, давай испеку, пока минутка есть!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.